

УДК 821.133.1

О. Ф. Жилевич

канд. филол. наук, доц., доц. каф. лингвистики и бизнес-коммуникаций
Полесского государственного университета
e-mail: jilevitch@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЙ ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ РОМАН: ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Рассматривается философско-аллегорический роман как жанровая разновидность современного романа. Анализируются концептуально-содержательные и формально-структурные аспекты иносказательных произведений зарубежных писателей. Раскрывается роль синтеза философского и художественно-иносказательного начал в данной жанровой разновидности. Утверждается, что в основе философско-аллегорического романа лежит художественно-философская мысль, оформленная с помощью аллегории и сформированная по образно-понятийным принципам отражения мышления соответствующей эпохи. Выявляются его основные черты: универсализм в решении проблем, деиндивидуализация героя, ориентация на символично-аллегорическую форму повествования, абстрагированность хронотопа.

Введение

В современном литературоведении дискуссии по поводу определения жанра ведутся вокруг основной онтологической проблемы: нужно ли относить жанр к архитектурному явлению (т. е. к субстанции формы, если не канонизированной, то достаточно устойчивой) или это сфера художественного мышления. Первой точки зрения придерживался Д. Лихачев [1], а В. Тюпа [2] и С. Аверинцев [3] представляли жанр категорией изменчивой, образотворческой, которая «живет» не в парадигме рода и вида, а в парадигме художественности.

Жанр – своеобразный «носитель» конкретного содержания. С одной стороны, он сохраняет свои признаки, а с другой – приобретает новые черты. Диалектическая логика устойчивости и изменчивости характеристик определяет жанр как литературоведческую категорию. Посредством жанра писатель раскрывает свою индивидуальность, но рамки жанра также ставят произведение в уже существующий ряд.

Категория жанра имеет значение также и для читателя. Она указывает ему рамки произведения, а вместе с тем открывает его смысл. Иногда писатель помогает читателю, называя жанр своего произведения, а если жанр не указан, сам читатель старается определить его, иначе смысл произведения остается непостижимым.

Итак, жанр – это динамическая структура, формирующаяся система, которая приобретает новые черты на основе старых признаков. По мнению В. Жирмунского, «литературный жанр получает определение как особый исторически обусловленный тип объединения композиционных и тематических элементов поэтического произведения» [4, с. 226].

Идея М. М. Бахтина о том, что «роман – единственный жанр, который находится в процессе становления, который не имеет законченного вида» [5, с. 186], актуальна до наших дней. Одна из наиболее спорных проблем – это выявление видовых форм романа, или его разновидностей. Как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении классификаций романа множество: в основе их лежит либо специфика проблематики, либо особенности построения сюжета, тип изображения героя. Однако до сих пор ни один из подходов не является общепринятым. К примеру, М. Бахтин за основу берет критерии создания главного персонажа, построения и развития сюжета. Ученый различает роман воспитания, роман странствий, роман биографический, роман испытания [5, с. 199]. Д. Затонский акцентирует внимание на специфике романной конструкции и выделяет центробежные произведения, в которых преобладает глубокое повествова-

ние о социальной жизни персонажа, и центристремительные романы, в которых мир показан сквозь призму лирического взгляда автора или героя [6, с. 38]. И. В. Влодавская классифицирует жанр романа по следующим признакам: идейно-содержательные черты сюжета, устойчивые пространственно-временные характеристики, подчиненные главной смысловой идее, повторяющиеся типы героев, драматический финал произведения [7, с. 43].

Философско-аллегорический роман – особая жанровая разновидность романа. Актуальность ее функционирования обусловлена гибкостью и способностью возникать в творчестве самых известных писателей мировой литературы. В частности, в XX в. для воплощения своих художественно-эстетических идей к философско-аллегорическому роману обращались и продолжают обращаться такие авторы, как *Дж. Голсуорси, А. Жид, Т. Манн, Л. Пиранделло, Г. Уэллс, Т. Фонтане, А. Франс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, М. Горький, Веркор, А. Мердок, В. Голдинг, Г. Гарсиа-Маркес, В. Быков, В. Короткевич, П. Зюскинд, Ж.-М. Г. Леклезю, М. Турнье, С. Жермен*. Несмотря на очевидную распространенность философско-аллегорического романа, его типология и жанровые особенности до сих пор не разработаны на должном уровне.

Цель исследования – выявить специфические черты современного философско-аллегорического романа как жанровой разновидности романа.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить типологические черты современного философско-аллегорического романа;
- 2) проанализировать своеобразие проблематики и пространственно-временных характеристик философско-аллегорического романа;
- 3) раскрыть роль героя и иносказательных выразительных средств в идейно-художественном содержании философско-аллегорического романа.

Материалом для исследования послужили романы зарубежных писателей XX в.: *А. Франса, А. Камю, А. де Сент-Экзюпери, У. Голдинга, Кабо Абэ, Веркора, М. Турнье, Ж.-М. Г. Леклезю, С. Жермен, П. Киньяра, Б. де Бушера*.

Иносказательное произведение как синтез философского и художественно-иносказательного начал

Философско-аллегорический роман – синтетическая жанровая модификация, в которой художественное, образно-иносказательное осмысление действительности сочетается с научно-логическим его моделированием. На протяжении всего XX в. эти разные формы постижения мира в некоторых философских направлениях сблизились.

До этого периода философия, не исследуя личность крупным планом, занималась главным образом поисками самых общих, лишенных определенности закономерностей бытия, изучением предельно обобщенных систем описания мира. Поэтому между ней и художественной литературой существовал значительный разрыв. Философия влияла на литературу лишь косвенно, напрямую не проникая в нее. Но когда главным предметом своего анализа некоторые западноевропейские философы сделали смысл и структуру конкретного бытия человека, т. е. именно то, что всегда было монополией писателей, разрыв значительно сократился. Это способствовало более широкому и естественному взаимопроникновению философии и литературы.

По мнению М. М. Зинде, «философия может входить в произведение разными способами» [8, с. 5]. С одной стороны, она непосредственно оказывается на страницах беллетристики в авторских отступлениях, в спорах или размышлениях персонажей, но не затрагивает повествование на сюжетном уровне. Создавая интеллектуально насыщенную атмосферу, повышая удельный вес аналитического начала, философия в этом случае все-таки не определяет манеру поведения героев, остается внешней по отноше-

нию к художественному содержанию произведения, а часто еще и значительно ослабляет его повествовательную канву. С другой стороны, синтез философского и художественно-иносказательного начал осуществляется на уровне структуры произведения. Будучи положенным в основу сюжета и воплощаясь изнутри, философский тезис определяет способ мышления героев, их поступки и поведение. Таким образом, в основе современного философско-аллегорического романа находится художественно-философская мысль, оформленная с помощью аллегии и сформированная по образно-понятийным принципам отражения мышления своей эпохи. Аллегория в данном случае представляет собой не единичный троп, а повествование, организующее все произведение целиком, элементы которого содержат символические значения, лежащие в основе его второго значения.

Как отмечает К. Вандендорп, «в философско-аллегорическом произведении сливаются воедино логическое понятие, конкретный образ и нравственная схема» (здесь и далее перевод наш. – О. Ж.) [9, с.16]. Для определенности выражения авторской мысли конкретный облик явлений в аллегии в той или степени упрощается или деформируется. Поэтому в таком произведении стирается жизненное многообразие эпического романа и создается более или менее искусственный художественный мир. Главным сюжетным событием в философско-аллегорическом романе становится, как правило, не типичная ситуация, а та, которая наилучшим образом иллюстрирует авторские мысли, суждения о бытии человека. Другими словами, сюжет конструируется автором как один из возможных вариантов реализации определенной модели. Например, основу философско-аллегорического романа «Остров пингвинов» А. Франса составило осмысление автором истории и тех путей, которыми должно идти человечество, а также «возможности и целесообразности переустройства социального порядка. Произведение является своеобразным итогом размышлений писателя над судьбами человеческой цивилизации» [10, с. 110]. Так, конфликт в философско-аллегорическом романе в наибольшей степени определяется авторской индивидуальностью, внутриличностным конфликтом писателя, чем в романах, изображающих объективную действительность.

В иносказательном романе потенциально заложено драматическое начало. Например, как пишет М. М. Минц, «роман У. Голдинга “Повелитель мух” – это трагическая аллегория. Писатель понимает человека как существо безмерное и парадоксальное и в злых, и в добрых проявлениях, как сосуществование противоборствующих и непримиримых начал» [11, с. 12].

Для этой жанровой формы характерна объективация различных идей, философских позиций, этических укладов, которые по замыслу автора «оживляются» и сталкиваются в ситуациях, освобожденных от незакономерных частностей. К примеру, А. де Сент-Экзюпери в своих иносказательных произведениях развивал ницшеанскую мысль о том, что цивилизация порождает хаос, разрушение и энтропию, а также то, что цивилизация препятствует свободной самореализации человека [12, с. 66]. В свою очередь, Веркор в философских аллегорических романах («Люди или животные», «Сильва») ставит своеобразные эксперименты, основанные на философских размышлениях о сущности человека, переосмысленных посредством условно-аллегорического восприятия мира. Писателя волнуют вопросы равенства творческих потенциалов человека и природы, степень одновременности их эволюции, возникающей как результат универсальных отношений между индивидами. Философская основа иносказательных романов У. Голдинга носит экзистенциалистский характер, хотя экзистенциализм проявляется в его произведениях не столь открыто и явно, как у французских писателей-модернистов.

В современном философско-аллегорическом романе поднимаются глобальные темы с максимально обобщенным их воплощением: духовный кризис высокоразвитого

общества (возможное вырождение человечества), трагедия одинокого человека в свете некоммуникабельности и разобщенности, крах семьи и потерянное детство. Например, в романе «Сильва» Веркор предсказывает уничтожение человечества, моделируя фантастическую ситуацию: на одной из охот лиса внезапно превращается в девушку, но при этом сохраняет привычки животного. Главный герой романа Альберт Ричвик пытается разобраться во внутренних качествах Сильвы – существа, которое похоже на человека только внешней оболочкой. Автор показывает и обратную ситуацию: как человек опускается до животного состояния. Дочь доктора, Дороти, оказавшись в большом городе, привыкает к наркотикам, начинает вести развратную жизнь, что приводит к деградации молодой женщины до такой степени, что она теряет свой человеческий облик и превращается в животное.

В философско-аллегорическом романе «Змейка» Б. де Бушерона повествуется о нравственном падении и гибели бывших христиан от невыносимых природных условий на одном из островов северной части мира. Автор поднимает проблему экологических катаклизмов, которые в наше время явление почти повседневное. В результате безвинно погибает много людей, а те, кому повезло выжить, остаются без надежды на спасение и восстановление своей прежней жизни. В своих иносказательных романах «Взгляд Медузы», «Дитя Медузы», «Плакальщица пражских улиц» С. Жермен рассматривала вопросы нравственного сознания, жестокости и насилия, совести и вины, искупления и/или возмездия, однако при этом она уклонялась от выводов, предоставляя читателю возможность самому решить, что истинно, а что ложно.

Роман У. Голдинга «Повелитель мух», впоследствии отмеченный Нобелевской премией, является предупреждением о риске самоуничтожения цивилизации вследствие несовершенства природы человека, который, отрицая в себе нравственное начало, способен разрушить сам себя через дисгармоничные взаимоотношения с другим человеком и природой.

Специфические черты героя философско-аллегорического романа

Герой в философско-аллегорическом романе скорее не самоценен, а репрезентативен. В первую очередь он нацелен не на социальное или психологическое правдоподобие, а на выражение авторской идеи. Поскольку одна из главных целей писателя состоит в том, чтобы обобщить события, подать их как модификацию универсально применимой истины, он и в описании персонажей тяготеет к обобщенности. Например, в романе С. Жермен «Взгляд Медузы» автор типизирует образ главного персонажа, показывая в лице Люси Добинье страдания невинных детей от насилия взрослых. «Люси превращается в существо, которое не является ни ребенком, ни взрослым. Она живет в своем вымышленном мире, где реальность переплетена со сказкой и мифом. Неопределенность, которая окружает Люси, узурпирует ее мир фантазий» [13, с. 88]. Подросток стремится защитить себя от угрозы, которую представляет ее сводный брат Фердинанд. Это угроза в аллегорической форме олицетворяет зло, насилие, тоталитаризм.

Основным признаком в определении художественного образа философско-аллегорического произведения являются его моральные качества. Автор, как правило, создает в своем произведении такой конфликт, выход из которого представляется только персонажу с высокими моральными качествами. Прежде чем сделать выбор в пользу добра и гуманизма, герой должен выстрадать его, пройдя через испытания. Например, в романе М. Турнье «Лесной царь» Авель Тиффож во время учебы в коллеже познает множество бед, унижений и несчастий. Уже будучи взрослым человеком, в период фашистской оккупации Авель спасает от неминуемой гибели еврейского мальчика Ефрахима, чудом избежавшего смерти в Освенциме: «Подняв голову в последний раз, Тиффож увидел вдали золотую шестиконечную звезду, которая медленно плыла на фоне

иссиня-черного неба. Миссия Тиффожа, а вместе с тем и его жизнь, завершается эрой звездоносной фории» [14, с. 388].

Условность деталей особые сюжетные перипетии, репрезентативный герой – все это объясняется подчиненностью чувственного образа аллегории. По сравнению с «романом эпическим», в философско-аллегорическом произведении возрастает роль дидактики. Однако мораль современного иносказательного романа не дается отдельно, например, как в басне. Она развивается параллельно повествованию, растворяется в нем и поэтому четко выявляемых признаков в самом тексте обычно не имеет. Скорее, одной из отличительных черт аллегорического произведения является ее иносказательный уровень, обязательная для него символика. Символы, благодаря своей обостренной образности, органично связывают оба уровня аллегии: не расслаиваясь, они легко вписываются в конкретное повествование и одновременно указывают на наличие подтекста. К примеру, в своем философско-аллегорическом романе «Элеazar, или Источник и куст» М. Турнье придает многочисленным символам религиозный смысл. Христианская символика произведения и многослойная глубина его прочтения должна была вдохновить читателя на решение собственных жизненных проблем в пользу духовного начала. Подобно М. Турнье, С. Жермен также вводит в повествование романа «Плакальщица пражских улиц» аллегорический образ христианского мира. Плакальщица у французской писательницы – это своеобразное выражение Бога, «призма жалости» или «преломление милости Бога» в слезах людей. С. Жермен таким образом стремится подтолкнуть читателя – современного человека – преодолеть злобу и насилие и осознать первичность духовных ценностей.

По той причине, что в философско-аллегорическом романе человек и мир, сознание и бытие постоянно находятся во взаимодействии, это предопределяет специфический характер их раскрытия: изоморфизм микро- и макрокосма, взаимодействие человека, природы и культуры. Новый тип героя, сформированный в иносказательном произведении, влияет на особенности построения системы персонажей. Характеры героев определяются содержательными парадигмами. Универсальная составляющая образа предстает уже как готовая и неизменная, и, таким образом, создается ряд близких, но не тождественных персонажей. Кроме того, социально-исторический признак образа диссонирует с «исконными» прототипами.

К примеру, в романе-притче «Граница» П. Киньяра молодые кавалеры Афонс и Айрес выступают дублерами графа де Жемайт. У киньяровских героев отсутствуют любые личностные признаки. Они настолько похожи друг на друга, что именно сходство, а не дифференциация характеризует их внешность. Причем писатель игнорирует не только внешние характеристики персонажей, но и их психологические портреты.

В философско-аллегорическом романе герой действует от общего к универсальному, выход героя за собственно повествовательные рамки оказывается плотно связанным с временной структурой произведения. Если события начинают приобретать оттенки всеобщности, исчезает «сейчас» и «здесь», реальность углубляется и превращается в символ жизни, ее философское осмысление. Когда в романе «Имя на конце языка» П. Киньяра старый ремесленник рассказывает историю о человеческом легкомыслии и ответственности, время для слушателей практически исчезает. Каждый из них в отдельности проходит мучительный путь извлечения и постижения истины о человеке вообще и о себе в частности.

Особенности хронотопа философско-аллегорического романа

В современном философско-аллегорическом романе модель бытия создается не только благодаря концентрации литературного материала, «сжатого» повествования, специфического образа героя, но и с помощью специфической пространственно-

временной организации. Время и место написания иносказательного произведения в самом тексте определить очень сложно. Иначе произведение, и в частности истина, которая в нем утверждается, утратило бы временную универсальность. Читатель не ощущает движения времени в повествовании, оно направляется в бесконечность. Развитие сюжета осуществляется вне временных рамок. К примеру, в романе С. Жермен «Взгляд Медузы» и Веркора «Сильва» время и место действия условны. Для философско-аллегорического романа характерна экстемпоральность.

Субъективное время героев в современном философско-аллегорическом романе – особенное. В тексте нет традиционных пунктов, по которым исчисляется время: детство, юность, зрелость – в общем, не существует физиологической изменчивости персонажа. Но присутствует внутреннее время героя, которому присущи продолжительность, динамичность, ритмичность. Персонаж живет исключительно в мире своих мыслей, т. к. в конце концов ему суждено сделать свой нравственный выбор.

Так, в романе «Протокол» Ж.-М. Г. Леклезю молодой человек Адам Поло скрывается от людей в заброшенном доме на берегу Средиземного моря. Он восстанавливает в воспоминаниях минувшие события своей жизни, которые являются достаточно запутанными. Свободное течение своих мыслей персонаж прерывает речью перед людьми, которые отдыхают на пляже, безрезультатно пытается изобличить пороки современной технократической цивилизации. В результате Адама Поло помещают в сумасшедший дом. Таким образом, судьба героя символизирует крах человеческих ценностей, конец гуманизма.

Время в иносказательном романе тесно связано с пространством действия, которое является ограниченным рамками какого-либо населенного пункта, острова, квартиры, самолета, но в то же время разомкнутым, т. к. действие может развиваться в любом месте, «повсюду»: в небольшом городе Оране («Чума» А. Камю), в фамильном замке семейства Ричвиков («Сильва» Веркора), в «городке» («Взгляд Медузы» С. Жермен). Интересно, что хронотоп философско-аллегорического романа «Женщина в песках» Кабо Абэ также отличается большой степенью фантастичности и замкнутости. Песчаная яма, в которую случайно попадает героиня, – это модель мира-плена, в котором Личность превращается в обезличенного раба. Выходя за рамки реальности, автор создает ситуацию, которая служит иносказательным отражением противоречивых отношений человека с современным обществом.

Заключение

Таким образом, философско-аллегорический роман сочетает в себе философскую и художественно-иносказательную парадигмы, их разнохарактерные виды действительности объединяются общими качествами. В основе этой жанровой модификации лежит художественно-философская мысль, оформленная с помощью аллегории и сформированная по образно-понятийным принципам отражения мышления соответствующей эпохи. Основные черты современного философско-аллегорического романа – это универсализм в решении проблем определенной эпохи, ориентация на символическо-аллегорическую форму повествования с ее двуплановостью композиции и системы персонажей, абстрагированностью хронотопа и наличием подтекстовой информации. Аллегория в этой жанровой разновидности часто сочетается с притчевостью и формирует особое мироощущение, способ понимания и художественно-эстетического отражения окружающего мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев, Д. С. Литература – реальность – литература / Д. С. Лихачев. – Л. : Совет. писатель. Ленингр. отд-ние, 1984. – 271 с.
2. Тюпа, В. И. Новелла и аполог / В. И. Тюпа // Русская новелла : Проблемы теории и истории / под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. – СПб. : Амфора, 1993. – С. 13–25.
3. Аверинцев, С. С. Риторика и истоки европейской традиции / С. С. Аверинцев. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – С. 367–432.
4. Жирмунский, В. М. Введение в литературоведение / В. М. Жирмунский. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 346 с.
5. Бахтин, М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин // О методологии исследования романа / сост. С. Г. Бочаров ; авт. вступ. ст. В. В. Кожин. – СПб. : Азбука, 2000. – 303 с.
6. Затонский, Д. В. Искусство романа и XX век / Д. В. Затонский. – М. : Худож. лит., 1973. – 218 с.
7. Влодавская, И. В. Поэтика английского романа воспитания XX века : Типология жанра / И. В. Влодавская. – Киев : Вища шк., 1983. – 380 с.
8. Зинде, М. М. Творчество Уильяма Голдинга: к проблеме философского аллегорического романа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / М. М. Зинде. – М., 1979. – 15 с.
9. Vandendorpe, Ch. Allégorie et interprétation / Ch. Vandendorpe // Poétique. – № 117, février 1999. – P. 75–94.
10. Жилевич, О. Ф. / Концепция «сжатой спирали» в философско-аллегорическом романе А. Франса «Остров пингвинов» / О. Ф. Жилевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. гуманитар. наук. – 2018. – № 10. – С. 109–114.
11. Минц, Б. А. Роман Уильяма Голдинга «Повелитель мух» как образец английской философско-аллегорической прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.05 / Б. Минц. – Л., 1988. – 16 с.
12. Жилевич, О. Ф. Философско-аллегорическая проза А. де Сент-Экзюпери: специфические черты / О. Ф. Жилевич // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2019. – № 1. – С. 65–71.
13. Germain, S. L'Enfant Méduse / S. Germain. – Paris : Gallimard, 1991. – 290 p.
14. Tournier, M. Le Roi des aulnes / M. Tournier. – Paris : Gallimard, 1970. – 395 p.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.05.2019

Jilevich O. F. Modern Philosophical-Allegorical Novel: Genre Features

The article considers the philosophical-allegorical novel as a genre variety of the modern novel. Conceptual, content and formal-structural aspects of the allegorical works of foreign writers are analyzed. The role of synthesis of philosophical and art-allegorical principles in this genre variety is revealed. It is argued that the basis of the philosophical-allegorical novel is artistic-philosophical thought, framed with the help of allegory, and formed according to figurative and conceptual principles of reflection of the thinking of the corresponding era. Its main features are revealed: universalism in solving problems, deindividualization of the hero, orientation to the symbolic-allegorical form of narration, abstraction of the chronotope.